

Memorial Landscape of the Ural Town in the Material of Folklore Archive (Kaslee, 1970-1980)

Natalia B. Gramatchikova

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin.
Ekaterinburg, Russia. Email: [n.gramatchikova\[at\]gmail.com](mailto:n.gramatchikova@gmail.com)

Received: 18 July 2022 | Revised: 25 October 2022 | Accepted: 27 November 2022

Abstract

The article considers the possibility and limits of reconstructing the memorial landscape of the Ural town-factory based on the materials of student folklore practical studies in the late Soviet era. The author reveals the stable motifs of the legends connected with the history of the founding of the industrial settlement of Kaslee, as well as with the specifics of the ethnic interaction between Russian settlers and the local population. The article also defines the “places of memory” in folklore materials. The study shows how the scientific and methodological attitudes of folklorists and the methods of interaction between collectors and informants are reflected in the collection of field archival materials from a particular area.

The memorial landscape reconstructed according to folklore data tells both about the past of Kaslee and the present, as the perspective of such a description of the past is determined by the present. Archival folklore materials are an example of a combination of practices of communicative and cultural memories. In this aspect, the place of “songs about the city” is also determined in the article. The authors believe that “empty cells” – lacunae of archival memory, about which the informants did not tell and/or the collectors did not ask, are significant elements of this memorative landscape. The stories related to the accident at the Mayak chemical plant in 1957 and the environmental agenda in general become such subjects of silence.

The article will be useful to folklorists and anyone interested in the problems of memory in folklore materials, as an attempt to apply the methods of folklore and anthropology to the practice of memory studies.

Keywords

Memorial Landscape; Town; Factory; Ural Folklore; Memory; Memoirs; Legend; Song about the City; Kaslee Art Casting



This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Меморативный ландшафт малого уральского города в материалах фольклорного архива (Касли, 1970-1980 гг.)

ГраMATчикова Наталья Борисовна

Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. Email: [n.gramatchikova\[at\]gmail.com](mailto:n.gramatchikova[at]gmail.com)

Рукопись получена: 18 июля 2022 | Пересмотрена: 25 октября 2022 | Принята: 27 ноября 2022

Аннотация

Статья рассматривает возможность и пределы реконструкции меморативного ландшафта уральского города-завода по материалам студенческой фольклорной практики позднесоветских десятилетий. Автор выделяет устойчивые мотивы преданий, связанных с историей основания заводского поселка, с особенностями межэтнического взаимодействия русских переселенцев с местным населением; выявляет «места памяти» фольклорных материалов. Показано, как научно-методологические установки фольклористов и характер взаимодействия собирателей и информантов отражены в коллекции полевых архивных материалов из определенной местности. Реконструируемый по фольклорным данным меморативный ландшафт равным образом рассказывает и о прошлом Каслей, и о настоящем, определяющем перспективу подобного описания прошлого. Архивные фольклорные материалы представляют собой пример сочетания практик коммуникативной и культурной памяти: в таком ключе определено и место «песен о городе», зафиксированных практикантами в качестве фольклорных материалов. Значимыми элементами меморативного ландшафта становятся и «пустые ячейки» – лакуны памяти, о которых не рассказывали информанты и/либо не спрашивали собиратели. Такими сюжетами умолчания становятся истории, связанные с аварией на химкомбинате «Маяк» 1957 года, и экологическая повестка в целом. Статья может быть полезна фольклористам и всем, интересующимся проблемами памяти в фольклорных материалах, как попытка внедрения методов фольклористики и антропологии в практику исследований памяти.

Ключевые слова

меморативный ландшафт; малый город; завод; уральский фольклор; память; воспоминания; предания; песни о городе; каслинское художественное литье



Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)



Проблема реконструкции меморативного ландшафта

Для филолога понятие меморативного ландшафта (Веселкова, 2022), которым мы будем пользоваться, позволяет связать *память* и *место* через нарративную (нередко – метафорическую) представленность географических и культурных объектов, включая исторических персонажей, в системе текстов, связанных с определенным местом историей создания или бытования. Меморативный ландшафт может быть описан и как система связанных нарративами мнемонических мест (М. Хальбвакс), «мест памяти» (П. Нора) в пределах выбранного локуса.

С одной стороны, меморативный ландшафт – это часть культурного (Каганский, 2001) и историко-культурного ландшафта, куда входит эволюционная составляющая. С другой, на наш взгляд, понятие меморативного ландшафта может быть продуктивно использовано для того, чтобы описывать «срезы памяти» определенного периода (Грамагчикова, 2022).

Яркая противопоставленность культурной и коммуникативной памяти (Ассман, 2004) в масштабах небольшого города тушется и предстает в виде поддерживающих друг друга практик коллективной памяти: зафиксированные фольклористами сюжеты устной истории «консервируются» в институциях культуры (архив, музейные и библиотечные фонды) и возвращаются в бытование через краеведческие статьи и авторские экскурсии, нуждающиеся в «интересных историях» более, чем их в верификации. То, что несколько десятилетий назад фиксировалось как живая коммуникативная память, концептуализировалось и становилось частью памяти культурной, элементом локальной коллективной идентичности, наращивая ценностную составляющую еще и благодаря особому статусу фольклора в Советском Союзе (Дранникова, 2015).

В данной статье речь пойдет о способах и пределах реконструкции меморативного ландшафта малого южноуральского города двух позднесоветских десятилетий на материале фольклорных экспедиций студентов-филологов Уральского государственного университета (УрГУ, ныне – Уральского федерального университета им. Первого президента России Б. Н. Ельцина – УрФУ) в Касли в 1978 и 1989 гг. Для анализа привлекаются традиционные историко-культурные методы, дополненные нарративным анализом, а также результаты работ по исследованию памяти в ее прикрепленности к культурно-географическому ландшафту.

Касли: краткая история места и его изучения

Касли – малый уральский город (нынешнее население составляет менее 16 тысяч человек), расположенный почти на равном расстоянии между Челябинском и Екатеринбургом в окружении нескольких больших и множества

малых озер, одно из которых и дало название сначала заводу, а затем и поселку (статус города Касли получил в 1942 г.).

Каслинский металлургический завод, в разное время называвший чугуноплавильным, железоделательным, золотопромывательным, машиностроительным, – старейший металлургический завод Южного Урала (Гаврилов & Блинов, 2001, с. 256), основанный в 1746 г. купцом Я. Р. Коробковым на выкупленных у башкир землях. Сроченность завода и поселка при нем выражалась в единой планировке: центральная заводская улица была частью уличной сети поселка. Рабочие кадры завода первоначально составляли приписанные к заводу жители Каслинской слободы, в основном староверы-раскольники, проживавшие на башкирских землях на правах припущенников (Гаврилов & Блинов, 2001, с. 257).

Уже через 5 лет, в 1751 г., владельцами завода стала династия Демидовых: отец и сын, оба Никиты Никитичи, владели заводом до 1804 г. Демидовы были энергичными хозяевами, они инициировали постройку сложной гидротехнической системы, позволившей обеспечить водой Каслинский и соседний, Нижнекыштымский, заводы, соединив «канавами» несколько окрестных заводских прудов и озер.

История взаимоотношений владельцев Каслинского завода с работниками складывалась драматически, начиная с Демидовых, и включала в себя крупные волнения с десятками убитых и раненых. В 1774 году каслинские мастеровые и работные люди перешли на сторону Пугачева, к ним присоединилась и военная команда из 350 человек, присланная для защиты завода; после разорения казны и канцелярии завода восставшими, сожжения завода и поселка восстановить производство смогли только в 1775 г.

Крестьянские волнения, вплоть до остановки всех заводских работ, происходили и позднее, в первой трети XIX века, когда завод находился уже в собственности Л. И. Расторгуева. Следующие хозяева – совладелец заводов П. Я. Харитонов и управляющий заводами Г. Ф. Зотов, получивший прозвище «Кыштымский зверь», – отправились по суду в ссылку, а заводы перешли в казенное управление (Гаврилов & Блинов, 2001, с. 257–258). Таким образом, до середины XIX века Каслинский завод не знал покоя во взаимоотношениях управляющих и работных людей.

С середины XIX в. начинается производство художественного литья, принесшего Каслям мировую известность. В 1876 году на заводе была открыта художественная школа, где обучали приемам формовки, рисунку, лепке и др. (Кулбахтин, 2015–2020). Этот подъем был достигнут благодаря заинтересованности совладельцев завода Г. В. и В. Г. Дружининых и управляющих заводами А. Д. Одинцова и П. М. Карпинского. К концу века изделия каслинских литейщиков по моделям западноевропейских и российских скульпторов, а также на темы уральского быта, были отмечены многочисленными наградами. Триумфом становится присуждение на Всемирной выставке в Париже (1900 г.)



высшей награды Гран-при и Большой золотой медали ажурному чугунному павильону (архитектор Е. Баумгартен, автор скульптуры «Россия» Н. А. Лаврецкий, мастера Н. А. Мочалин, К. Д. Тарасов и др.).

Так среди малых городов-заводов Урала Касли получил собственное «лицо», доведя качество отливок предметов бытового и декоративного назначения из чугуна до высокого художественного уровня. Однако основное производство заводов оставалось устаревшим: завод не имел рельсовой связи с железнодорожной сетью страны, а реконструкция рубежа XIX – XX вв. коснулась только соседних, Кыштымских, заводов.

В XX веке каслинский завод, по большому счету, остался в стороне от гонки индустриализации: завод выполнял заказы для нужд военной и сельскохозяйственной промышленности, выпускал товары широкого потребления, однако продолжал ветшать. При этом по совокупности факторов – высококвалифицированные кадры на предприятии, близость месторождения формовочной земли и песков наилучшего качества – каслинский завод имел потенциал базового для создания масштабного литейного производства, однако финансирования не хватило, и эта судьба не состоялась. К 1930-м года относится не слишком удачная попытка возобновления производства художественного литья с современной тематикой, к тому времени прекращенного полностью (Гаврилов & Блинов, 2001, с. 261). Однако наибольшими успехами этого периода можно считать выполнение заказа для оформления московского метрополитена и создание инфраструктуры завода (первый четырехэтажный 28-квартирный дом, заводской дом отдыха, баня, пионерлагерь, ясли и др.).

Судьба Каслинского завода может быть рассмотрена сегодня и сквозь призму дискуссии 1920-х гг. относительно характера предстоящей индустриализации, где ряд ученых, в частности, известный металлург В. Е. Грум-Гржимайло, выступал против «гигантомании» большихстроек, продвигая идею малых заводов. Каслинский завод, оставшись «малым», может послужить примером предприятия, которое, при высоком кадровом потенциале и уникальном производстве, оказалось обойдено финансированием и обновлением производственной базы. Послевоенный период ознаменовался аварией на химкомбинате «Маяк» (1957), расположенном в непосредственной близости от Каслей, после которой Касли попали в зону отселения.

Парадоксальным образом в эти же годы произошло «реабилитационное» признание чугунного художественного производства: в 1958 году чугунный павильон, завоевавший Гран-при в Париже и пролежавший на складе, ржавея и разрушаясь, несколько десятилетий, был отреставрирован, с 1985 года он демонстрируется в Музее изобразительных искусств в Екатеринбурге. В 1990-е, остающиеся вне фокуса нашего рассмотрения в данной статье, численность производственно-промышленного персонала на заводе сократилась почти в три раза (с 7 до 2-3 тысяч), но предприятие продолжает выпускать продукцию и модернизируется.

Таким образом, Каслинский завод в полной мере воплощает собой матрицу «старого уральского города-завода». Во многих отношениях образ дореволюционного Касли является эталонным для советской историографии: частая ожесточенная конфронтация между рабочими и управляющими, уникальный характер художественного производства, где профессионализм определял высокий эстетический уровень изделий, т. е. то, что в авторской мифологии П. П. Бажова – творца новой локальной уральской идентичности – представлено как сплав мастерства и артистизма (см. сказ «Чугунная бабушка», посвященный каслинскому мастеру В. Ф. Торокину). Таким образом, фольклорные экспедиции Уральского гос. университета (УрГУ) 1978 и 1989 гг. в Касли были вполне ожидаемыми¹.

Научные интересы членов кафедры фольклора УрГУ традиционно, со времени основания кафедры В. П. Кругляшовой, были связаны в первую очередь с рабочим фольклором горнозаводских поселений и несказочной прозой Урала. «Уральский фольклор – это преимущественно рабочий фольклор. Рабочая специфика проявилась в жанровом составе, в тематике, в идейно-художественной наполненности, в языке и стиле произведений. Изучение истории уральского фольклора способствует выявлению мировоззрения рабочего класса...», – гласило учебное пособие В. П. Кругляшовой (1974).

Характер оценки рабочего фольклора как основополагающего для локальной идентичности и выражающего непрерывную причинно-следственную связь трех веков не мог не повлиять на направленность разговоров с информантами и жанровое наполнение экспедиционных материалов². Следует также упомянуть, что, несмотря на запись ФИО и адреса информантов, их возраста и рода занятий, контекст фиксируемых текстов минимален, и этот минимализм – во многом дань существующим тогда стандартам записи³. В некоторых случаях среди материалов архива присутствуют очерки-медальоны «лучших информантов», написанные студентами⁴.

Методологическая рефлексия в отношении представленных в архиве материалов обнаруживает влияние на характер и объем записываемых материалов со стороны каждого участника экспедиционного процесса: свой вклад вносили научно-методические установки руководителей практики – предста-

1 Ранее Каслинский район обследовался и челябинскими фольклористами В. Е. Гусевым (1953) и В. А. Лазаревым (Лазарев, 1972; Блажес, 2008).

2 Предполагаем, что в Каслях, как и в большинстве населенных пунктов, куда выезжали студенты, применялось тотальное обследование. Специальных программ и опросников, позволяющих предположить иное, не обнаружено.

3 Обзоры коллекций других уральских собирателей фольклора советского времени выявляют ту же ориентированность на песенные жанры как наиболее яркие репрезентации бытования фольклорной традиции при минимальном внимании к жанрам «несказочной прозы» (об этом: Машковский, 2019, с. 308–310).

4 Кроме того, при работе студентов с жителями в условиях летней выездной практики значимыми оказываются такие оппозиции, как «свой – чужой», «молодой – опытный, старый», «городской – деревенский», «ученый – простой, малограмотный» и др., которые прямо и иронически озвучивались информантами и в качестве пресуппозиций оказались включены в собранные материалы.



вителей кафедры фольклора УрГУ, личные качества студента-собиранителя и степень (само)цензурирования со стороны информанта.

Несказочная проза, уральские предания составляли главный предмет научных интересов В. П. Кругляшовой и воспитанной ею кафедры фольклора. В те годы она публикует несколько полемических по тону статей (1974, 1976, 1980), посвященных методологии полевой фольклористики¹. Отвергая литературное редактирование «под народ», в дореволюционном наследии она выделяла ценный «комплекс методических правил и приемов, проверенных на обширном практическом опыте: требование точности и полноты записи и в этих целях повторного прослушивания произведения; обстоятельной документации записанного произведения; внимания к личности сказителя...; записи его биографии; бережного отношения к исполнению как творческому акту; записи вариантов» (Кругляшова, 1976, с. 5).

Таким образом, на уровне фиксации материала фольклористы УрГУ придерживались следующего принципа:

«Научна та запись, которая точно закрепляет устный рассказ информатора, полно документирована и не подвергнута обработке собирателем. Недопустимы никакие изменения и исправления. Фольклорные произведения должны записываться и публиковаться в их точной форме. Составление сводных текстов антинаучно» (Кругляшова, 1976, с. 7).

Более того, по мнению коллег, в середине 1960-х годов методика полевых экспедиций УрГУ приближалась к стационарной работе над комплексным обследованием населенного пункта (Митрофанова, 1964, с. 220–221). Однако на этапе передачи материалов личных записей в архив кафедры происходила редукция данных: так, публикация 1980 года, посвященная сопоставлению алапаевских и каслинских материалов экспедиций УрГУ (Блажес, Елизарян & Борисова, 1980), упоминает тексты, не представленные сегодня в архиве.

Стремясь внятно очертить сферу своих научных интересов, фольклористы УрФУ работали прежде всего в методологии жанрового анализа, обращая внимание на увеличение семантической емкости текста благодаря специфически литературным механизмам «памяти жанра» (М. Бахтин), тем более, что Свердловск того времени предоставлял возможности для обсуждения такого научного подхода (об этом: Липовецкий, 1990). Можно говорить и об избирательности жанровой памяти в смысле повышенной чувствительности определенных жанров к тем или иным сюжетам либо их трактовке.

Таким образом, размышляя над наполнением и разметкой меморативного ландшафта Каслей, следует иметь в виду, что уже на этапе формирования архивной коллекции действовали разнообразные, по большей части, редуцирующие фильтры, которые даже при тотальном обследовании населенного пункта «наводят резкость» исследовательской оптики на определенные жанры и сюжеты, минимализируют сопутствующий контекст и оставляют часть мате-

1 О методологии записей устных рассказов уральских рабочих у в 1920–1930-х см.: Рабинович, 1933.

риалов (временно или постоянно) вне основного корпуса архива, т.е. недоступными следующим поколениям исследователей.

Давнее прошлое в преданиях о Каслях: освоение территории и истории

Уральская «горнозаводская цивилизация» (термин, вскользь употребленный профессором Пермского университета П. С. Богословским (Богословский, 1927, с. 37) и широко востребованный в последние два десятилетия (Тюленева, 2015; Иванов, 2018 и др.)), предполагает внимание к самобытному характеру городов-заводов, их многослойным историко-культурным и этнологическим напластованиям (Богословский, с. 35).

Среди прозаических материалов, собранных фольклористами УрГУ, преобладают тексты о дореволюционном прошлом. Свидетельства «былой жизни» Каслинского завода и поселка в жанровом отношении представляют собой предания и устные рассказы-воспоминания. Именно содержащиеся в этих жанрах мотивы и образы легче всего «конвертируются» в культурную память из коммуникативной, формируя устойчивую нарративную сеть меморативного ландшафта города. К преданиям В. П. Кругляшова относилась «рассказ, в народном представлении заслуживающий доверия, о жизни в прошлые времена, о лицах, которых рассказчик не видел, о событиях, в которых не участвовал». Для рассказчиков предания – это «повествования без выдумки», где «содержится не история, как таковая, а народные представления об истории в широком понимании этого слова» (Кругляшова, 1961, с. 5-6). В преданиях люди и события оцениваются через изображение их действий, т.е. эстетическая и этическая функция неотделима от информативной (Кругляшова, 1974).

Устные рассказы о современности «играют роль тематически-сюжетного фонда», из которого материал отбирается и включается в сферу широкого устного обращения самим фактом рассказывания, в котором возможен переход из мемората в фабулат (Кругляшова, 1980, с. 3). Как мы увидим, память жанров несказочной прозы формируется, как и другие виды памяти, исходя из потребностей дня сегодняшнего, и актуализация сюжетов, равно как и их забвение, происходит под воздействием разнонаправленных факторов.

Предания, записанные в Каслях, можно классифицировать по нескольким тематическим группам, среди которых топонимические, о первопоселенцах, о заводчиках Демидовых, о силачах, о гражданской войне и довоенной советской истории. Определим характерные черты каждой группы в аспекте нашей проблематики.

Предания о первопоселенцах отражают представления о характере освоения места и взаимоотношений разных групп людей. Топонимические предания Каслинского района демонстрируют высокую активность русского



населения по обживанию иноэтничной территории. Информанты активно комментируют тюркоязычные названия близлежащих географических объектов: озер, рек, гор, деревень (среди вариантов интерпретаций: деревня Куяш – «солнце», Кызылташ – «красное озеро», Карабаш – «черная голова», Киреты – «бешеная собака» и др.), выказывая знакомство с некоторыми корнями башкирского и татарского языков. Наибольшее количество версий насчитывает само название Касли, которое толкуют как «голубые ямы», «лебе-дина пристань», «старый мох», «гусиная впадина» и др.¹

В текстах преданий контакты с башкирами выглядят как мирные, хотя и требующие демаркационных линий (проведения «граней»):

Как пришли русские на эти земли, как стал Демидов переселять сюда рабочую силу, так ушли башкиры дальше да вырыли ров – гранью его прозвали. А так мирно люди жили. Башкиры земли русским продавали, озера, ягоды, сено, другие припасы (№ 2542, 1911 г.р., м).

Динамика отношений выражается и через наделение коренных жителей чертами трикстеров (этот мотив встречается в преданиях о татарах и в других местах на Урале): *«Татары сдавали в аренду [наделы земли]. А они хитрые были: он к одному придет – продаст, потом к другому – продаст этот же самый участок. Они потом все передерутся»* (№ 267, 1920 г.р.), а также через своеобразную топонимическую апроприацию, когда иноязычное название сохраняет для местных значимость семантики, но переозначивается, включая ценностную компоненту освоения территории русскими:

А Карабаш знаете, почему так называется? А вот говорят, первые русские, которые пришли сюда, были все черноволосые. Когда они пришли сюда, было много ссор между ими и татарами. Русские в одной из битв захватили татарское поселение и пошло отсюда его название – Карабаш – черноволосые (№2537, 1915 г.р., ж).

Как мы уже отмечали, история Каслей может рассматриваться как эталонная для формирования научного представления о «горнозаводской цивилизации». Среди записанных текстов обращает на себя внимание частое упоминание в преданиях о первопоселенцах *ссылных*, для которых характерны такие качества как *нищета, страх, недобровольность появления* в этих краях.

В Касли, говорят, одних каторжников почти слали, место здесь было глухое. Добровольно никто не селился. В основном из середины России присылали. Поэтому и речь у каслинцев не «окающая, уральская», а певучая «акающая» (№ 2469, 1925 г.р., ж).

Говорят, что поселение, которое раньше возникло на месте Каслей, основано было *ссылными* людьми. Они появлялись в этих местах нищими. То ли потому,

1 Ср.: А. К. Матвеев оценивает версию происхождения названия Касли от мансийского «старый мох» как не подтвержденную этнографическими данными, считая приоритетной тюркскую этимологию от названия озера «Казлы» – «гусиный» (1987, с. 92).

что боялись, а может и по другим причинам, но фамилий своих они не говорили, поэтому люди давали им новые фамилии. Фамилии эти были под стать их положению: Безродновы, Бескресновы, Ахлюстины. Так и закрепились они за людьми (№ 2475, 1932 г.р., ж).

Эти повторяющиеся мотивы, с одной стороны, поддерживают официальный советский историографический дискурс об «ужасах дореволюционной жизни», с другой, – окрашивают память о начале жизни в этих местах в печальные тона. Сложный эмоциональный фон памяти развивается и в сюжетах о местных силачах.

Вообще предания о силачах – один из устойчивых мотивов уральского фольклора, имеющий широкое бытование у всех этнических групп, населяющих Урал (Кругляшова, 1974; Криничная, 1989; Королева & Четина, 2017). Для заводских поселений характерны образы силачей-рабочих. Кроме устойчивых мотивов, с помощью которых характеризуется сила местного жителя (физическое превосходство не только над людьми, но и над лошадиной тягой¹, например), фольклористы отмечают иронию и мягкий комизм, окрашивающий рассказы о силачах, где соединены любование силой и гордость за земляка.

Воспоминания о каслинских силачах Николае Дружинине и Петре Маршиче еще не ушли в далекое прошлое, их сложное строение и амбивалентная оценка лежат на поверхности нарратива: биографии озвучиваются с проступками, повлекшими справедливое, с точки зрения народной этики, наказание:

Раньше при заводе работало много сильных людей, труд-то их был очень тяжелым. Да и теперь такие люди встречаются. Люди сказывали про Петю Маршича – силача, который мог съесть ведро картошки. Еще сказывают, что испортил его кто-то за гульбу с чужой женой, потому ходил он всегда с открытым ртом (№ 2482, 1931 г.р., ж).

В фольклорном образе Дружинина тоже явственно присутствует темная, жестокая сторона силы: «...Как-то велел ему отец лошадь запрячь, а она его не слушалась, так он так ее ударил, что ребра сломал» (№2471, 1929 г.р., м); «Он у живой мыши хвост откусил. Его ведь трудно откусить, там хрящ. А он вот поспорил на деньги и откусил» (№2474, 1929 г.р., м). В памяти земляков остался и сложный характер земляка: «Повздорил Дружинин как-то с мужиками. Он, когда вытьет шибко злой бывал. Подрались они, так он их всех насмерть убил, а их было семеро» (№2472, 1929 г.р.).

1 Справедливости ради отметим, что этот мотив присутствует в каслинских материалах 1978 г.: «В Каслях рассказывают про Николая Михайловича Дружинина...: кто-нибудь хлестал лошадь, но телега оставалась на месте, потому что Николай Михайлович держал ее за задние колеса. Но и он, когда необходимо, помогал лошади. В. А. Пряхин, 1910 г. рождения, рассказывает: "...Про него говорили, что он двухсердечный. Бревна возили. Лошадь не может вывезти, он возьмет и сам вывезет. И спокойно бревна один таскал» (Блажес, Елизарян, Борисова, 1980, с. 23). Ср. в материалах 1989 года: «Застрял обоз в болоте. Лошади его никак вытащить не могли. Так Дружинин распряг лошадей, сам впрягся и без труда вытащил один» (№ 2473, 1929 г.р., м).



В обобщающем образ предании содержатся и устойчивые характеристики выдающейся силы, и трагические обстоятельства гибели «Ильи Муромца»:

В Каслях был свой Илья Муромец. Был подсобный рабочим, подковы гнул. Дороги чинил чаще. Коля Дружинин звали. Убили под Свердловском. За лошадь поехал, а жулики прознали подпоили и зарезали из-за денег. Силы был необычной. Лошадь воз земли не может вывезти, а он лошадь выпрягал и затаскивал. Лом, лопату, кирку все оставлял в забое. Тяжелые очень, поднять никто не мог. (№2543, 1931 г.р., ж).

Коллективной памяти о силачах вторит и память семейная.

У него [дяди информанта – Н.Г.] работа никогда не стояла. Однажды он почувствовал, что лошадь его уже не может быть ему в помощь, она, с ее медлительностью, тяжелым шагом может быть лишь только в тягость. Ударил он ее кулаком и упала она, как подкошенная. Впрягся тогда он сам в телегу и пошел. А вот еще один случай. Один раз упал я нечаянно прямо перед его ногами. Он опомнится не успел, как перелетел через меня. Мне понравилось – свалил такого мужчину. Я еще раз упал, но уже специально. А он, не будь дураком, ждал. Как схватил он меня за ногу, да как откинул метров на 5-6 в сторону, больше с ним я так не шутил (№2493, 1939 г.р., м).

«Сила без ума» становится в семейных рассказах наследством предков:

У мужа моего был дед Афанасий. Сильный был мужик. Стол кулаком ломал, как стукнет, так стол напололам. Лошадь поднимал. Залезет под лошадь и поднимает. Мог танцевать на стекле. А как драться начнет, с ним и впятером не могут справиться. 105 лет ему было, как в спину вилами закололи. Сила огромная у него, сердце здоровое. Мог бы еще жить. Мой сын – копия прадеда своего. Такой же огромный, плечи широкие. Под машину залезет и перевернет ее. И драться любит. Сила, но без ума. Афанасия все боялись, от его всего можно было ожидать, и с сыном моим вдвоем не могут справиться. Порода такая силачей (№2559, [информант не указан]).

Что касается отношений с властью, то в представлениях о давнем прошлом наблюдается «стяжение персонажей»: «демидовский пласт» народной памяти вбирает в себя сюжеты, связанные с Петром I (хотя основание Каслинского завода приходится уже на послепетровское время). В. Блажес пишет о двух десятках преданий демидовского цикла, зафиксированных в Каслях в 1978 году¹. В материалах 1989 года предание о Демидове всего одно, в нем ярко видно «стяжение времен и эпох», характерное для фольклорного представления об истории:

1 Наиболее интересны следующие сюжеты: Демидов каждый вечер заставлял играть итальянских музыкантов и «бил их розгами», если музыка ему не нравилась; Демидов знался с чертом, который ему руды и золото указывал, этого черта он носил с собой в маленькой шкатулке; Демидов замуровал свою дочь в Невьянской башне за то, что она влюбилась в цыгана; Демидов отобрал исконные земли татар и построил на этих землях свои заводы; у Демидова была любимая собака, которая была «приучена рабочих рвать», рабочие ее отравили: «И вот Демидов носил собаку в церковь отпеть. Поп не рискнул. Тогда Демидов поехал в Екатеринбург и дал там денег кому нужно. Назад приехал с разрешением отпеть собаку. Ее отпели, похоронили, а потом рабочие несколько раз ее отрывали и выбрасывали» (Блажес, с. 17).

Завод наш в Каслях – Демидовский. Демидов властный был, очень богатый. Сам он в Каслях не жил, в другом городе. Демидов сильно прижимал, а приказчики еще хуже его были. Тут в Каслях управляющий был Расторгуев. А на заводе работал раньше ружейный мастер, и по литью умел, фамилия у него Глухов. Он художником был, я у него учеником работал. А сам Глухов – самоучка (№ 2555, М, 1914 г.р.).

Огромные вложения в преобразование ландшафта вокруг Каслей отзываются наполненностью фольклорного архива десятками сюжетов, связанных со сложной топографией окружающей Касли местности. Город расположен в красивой гористой местности, среди десятков больших и малых озер. Переплетения воды и суши, ныне составляющие прежде всего рекреационный ресурс территории, в XVIII–XIX вв. были «доработаны» владельцами заводов ради нужд производства: для поддержания устойчивого уровня воды в заводских прудах была создана Каслинско-Кыштымская озерная система, соединяющая заводские пруды и окрестные озера «канавами».

Думается, именно высокий уровень рукотворности ландшафта обеспечил здесь сохранность большого количества преданий о различных географических объектах: пещерах, подземных ходах, перекопах, «гранях» (границах), «гривах» и др. В зафиксированных текстах вклад в преобразование ландшафта теряет собственно производственное целеполагание¹ и становится обозначением сферы влияния хозяев этих мест в разные времена:

Купец Невьянский хотел Кыштым затопить Демидову назло из-за барышей. Три перекопа сделал. Но Демидов дальше светлой Озерины не пустил (№ 2551, М, 1939 г.р.)

Есть озеро. Его всегда называли Прудком. Хозяином завода был Демидов. Ему нужна была вода. Озера все пересекались, часть Каслей отъединялась водой. Демидов перекрыл дорогу на Сосновку, запрудил это озеро, поэтому его и называли Прудком. (№2499, ж, 1927 г.р.)

На озере Силач пещера есть. Деда говорят, что когда-то скрывался в ней Стенька Разин со своей бандой. А помогал им подземный ход, который ведет из пещеры в озеро. Кто прорыл этот подземный ход – неизвестно (№ 2485, 1967 г.р., м).

По мере приближения к современности детализация памяти о земляках возрастает, но персонализация власти – уменьшается. В рассказах о первых десятилетиях XX века фигурирует посетившая Касли проездом «родня царя», визит которой совпал с началом Первой мировой войны, «предприниматель» (купец?) Карпеев (владелец здания, где позднее расположился детский дом) и односельчанин Захаров, сумевший использовать особенности топографии для спасения имущества:

В гражданскую, когда коней и белые, и красные забирают, Захаров их из двора во двор переводил, и никому не доставалось, поэтому как дома на разных

1 Длинная история гидротехнических сооружений ведет свое начало от «демидовских канав» и продолжается в XX в. См., например («Припади к своим истокам...», Толстиков, Кузнецов, 2017 и др.)



улицах стояли. По одной пройдут, а они на другую дворами. Была еще мастерская у них, добрые кожи там выделывали. Так в погребке там вся улица в гражданскую пряталась (№ 2468, 1925, Ж).

В рассказах о советском периоде истории персонализация высшей государственной власти обрывается на Ленине (см. сюжет ниже), дальнейшие события в стране и Каслях происходят «по воле судьбы». Но даже и при этих условиях о тяжелых временах почти не упоминают. Редчайший сюжет – о регулярно повторяющемся голоде:

В здешнем краю году так в 18ом зиму Лебедной прозвали. Голод был в том году страшный. Одну лебеду да рыбу мололи и заваривали, да так и жили. И словно проклятие какое-то голод приходил в 1921, 31, 41 годах – ровно через 10 лет (№2541, 1911 г.р., м).

Анализ культурной памяти Каслей выходит за пределы этой статьи, однако заметим, что интервью 2021–2022 гг. не только с жителями города, но и музейными работниками обозначают темы гражданской войны и репрессий как сложные, непроработанные. Так, например, музейный работник (ж, 64 г.) сетует на трудности ведения экскурсий и составления экспозиций: «Первое, это то, что у нас вообще как бы почти исчез с лица земли исторический центр <...> Гражданская война ведь прошла по нашему, – ну в то время это был не город, городом мы стали в тысяча девятьсот сорок втором году, – она прошла понятно и через нас, потому что здесь были белочехи, колчаковцы, здесь были и расстрелы; то есть у нас вот по нашей улице находится красная могила красных, что захоронены, да; к сожалению, тех, кто на другой стороне, они были захоронены в совершенно в другом месте – на этом месте в последующие годы была построена средняя школа номер двадцать семь. <...> Но о том, большинство по крайней мере, к сожалению, населения не знает, что здесь, в принципе, вот такое захоронение, да, находится. Не все же предположим знают и хотя мы пытаемся доносить и через свои эти соцсети». Таким образом, механизм кристаллизации сюжетов коллективной памяти о «неудобном прошлом» (Н. Эппле) нарушен и в отношении культурных институций, и в отношении невыправленной асимметрии «мест памяти», и в самом наполнении сюжетного фонда устных рассказов-воспоминаний.

«Так уж необходима ли была здесь революция?»

Память о досоветском прошлом завода и города (деление на советское и дореволюционное актуально для позднесоветских десятилетий) не во всем солидаризируется с официальным дискурсом, описывающим «времена царизма» как мрачные, полные лишений и страданий. Для некоторых информантов память о прошлом становится возможностью высказать претензии к настоящему: тогда старообрядцы (жержаки) и первопоселенцы этих мест могут выступать и в качестве образца для подражания.

Люди раньше работали, как никто сейчас не работает, ни один стахановец сегодня не сделает столько в один день, сколько было под силу рядовому горно-рабочему. Сильные люди были (№2493, 1939 г.р., м). У кержаков до сих пор сильны традиции. Многие из них сегодня вредны, а многие и неплохо было бы и нам перенять. Они например не понимают, почему нельзя рыбу сетями ловить: «Мой отец, дед, прадед здесь рыбу ловили» (№2492, 1939 г.р., м).

Как видим, этот пятидесятилетний информант находит в рассказе о прошлом ресурс выражения критического отношения к формализованности в распоряжении личными и природными ресурсами в своем настоящем, последовательно выстраивая в этом ключе все упомянутые им эпизоды коллективного прошлого Каслей:

Сейчас все говорят, что плохо раньше рабочему горняку жилось. Неправда. Жили хорошо, крепко. Каждому рабочему была известна точная цифра платы за каждый, скажем, привоз леса на рудник. Он мог работать 12 часов, мог работать 18 часов. Мог вообще не спать. То было его дело. Привозы эти требовали крепких, выносливых лошадей, которые и выручали люд летом. Летом для всех был своеобразный отпуск. Каждому давалась возможность собрать большой урожай и подготовиться к зиме. Хозяин знал, что без этого зимой будет голод, а значит, производительность мужика упадет. Каждому новому мужику, приходившему на рудник, выдавались корова, лошадь, еще обычно кобыла, овец и кур не считали. До сих пор спорят – так уж необходима ли была здесь революция? (№ 2495, А, 1939).

Вместе с тем представлять фольклорные материалы как свидетельство оппозиционности жителей уральских городов опрометчиво: примером может служить текст о сохранившейся в Каслях Вознесенской церкви (1852 г., арх. Э. Х.-Г. Сарториус), единственной из всех каслинских церквей упомянутой в полевых материалах 1989 года. В отличие от Успенской церкви, отданной под заводские цеха, частично разрушенной и перестроенной, церковь Вознесения Господня уцелела¹ и находится возле автостанции, на возвышенности, доминируя в городском ландшафте (высота колокольни 56 м).

С Вознесенской церковью связан ряд сюжетов, которые, на наш взгляд, можно интерпретировать не как выражение солидарности с одной из сторон в конфликте «государство – церковь», но как попытку создать непротиворечивый нарратив о главной архитектурной достопримечательности города, ведь «Вознесенскую церковь строили 40 лет, а стоит она – 200» (№2521, 1916 г.р., ж):

Колокола на здешней церкви – большой Вознесенской – замечательные были. Серебром подернутые, штук восемь их было – и больших, и маленьких. Звонарь местный – Сусин Алексей Петрович бывало заливается на вечерню. А как стали в 1929 году сбрасывать их – Карпеев сбрасывал, так самый большой пудов 300 был, в рост человека (№ 2532, М, 1911).

После революции хотели разрушить Вознесенскую церковь, но старики не допустили – они караулили ее днем и ночью (№ 2523, Ж, 1916).

1 Проект храма составлен в 1842 г., приделы освящены в 1852 и 1855 гг. (Головкин, Столбикова).



На наш взгляд, подобные сюжеты – свидетельство того, как их носители пытаются согласовать опыт жизни в советской идеологии и свой эмпирический опыт восприятия красоты (мотивы сохранения веры и какой-либо личной включенности информанта в процессы разорения / отстаивания церквей обычно отсутствуют). При этом церковь не перестает быть местом сохранения сакральных ценностей, но «работают» уже оба вектора сакрализации: и церковно-религиозный, и властно-государственный. Примечательно, что именно в нарративах каслинцев о Вознесенской церкви происходит апроприация двух символических фигур мировой истории – Иисуса Христа и Ленина (отметим, что информанты принадлежат разным поколениям):

Слышала я от людей, что есть церковь такая, а под ней ход прорыт подземный. Сама-то не видела, но кто его знает, Исус Христос там, говорят, лежит (№ 2525, 1916 г.р., ж).

В 30-е годы много церквей порушили. И нашу в Каслях хотели сломать. Но слухи об этом дошли до самого Ленина. И он еще в 1930 году издал указ, чтобы нашу церковь оставили. “Зачем это нужно, красоту такую разрушать. Вера сама по себе отойдет”, – так он велел и запретил разрушать. Вот и стоит у нас радостью людям церковь. И всех сел, городов едут посмотреть. Спасибо Ленину, уберег» (№ 2556, 1930 г.р., ж).

Последний текст привлекает внимание и парадоксальным сюжетом, и выраженным анахронизмом: «хороший» Ленин занимает место «разоблаченного» Сталина (церковь вернули верующим в 1943 г., до этого она использовалась как зернохранилище). Однако само приписывание и сакральных фигур (Христа в церковном подземелье), и наглядных свидетельств благорасположения политических лидеров к храму примечательно, поскольку репрезентирует выход фольклорных сюжетов из антиномического противостояния с властью.

«Пустые ячейки» меморативного ландшафта

Нынешние жители города Касли временем расцвета города считают конец 1970-х – середину 1980-х гг.: строилось жилье, впервые асфальтировались дороги, система распределения молодых специалистов после окончания вузов на заводы привела к формированию в городе прослойки людей с высшим образованием. В городе работали машиностроительный завод и радиозавод, функционировала исправительная колония (где работали многие каслинцы) и «секретная военная часть», – все это не нашло никакого отражения в материалах фольклорной практики, где биографический контекст информантов фиксировался крайне редуцированно. Оглядываясь назад, каслинцы считают своим «золотым веком» позднесоветские десятилетия, и в этом они, как мы знаем, далеко не одиноки.

Некоторые «пустые позиции» в недавней истории Каслей можно поименовать спустя десятилетия, но заполнить их «задним числом» разнооб-

разно и сюжетно, к сожалению, нельзя. Здесь через анализ эмпирического материала мы подходим к системным ограничениям полевой фольклористики советского времени, объясняющим востребованность – уже последнее десятилетия XX века – более гибких методов устной истории (П. Томпсон и др.).

Событие, о котором, кажется, невозможно было умолчать в недавней истории Каслей, – это взрыв на химкомбинате «Маяк», расположенном по соседству с городом, в 1957 году, после которого Касли попали в зону отчуждения. Однако в материалах архива нет упоминаний об этих событиях. Вероятнее всего, молчание было двусторонним: студенты либо не задавали вопросов, либо рассказанное им не было включено в материалы архива (подобное происходило, например, с рассказами о церковных праздниках, упомянутыми в дневниках практики, но не попавшими в переписываемые набело материалы). Исключение лишь одно (отметим смещение дат взрыва, предлагающее перемещение «взрывов» в военное десятилетие «сороковых»), появляется оно в этническо-топонимическом контексте:

Раньше существовали деревни Аргаяш, Новогорный и Алабуга, где жили татары. После взрыва в сороковых годах их расселили, и деревни перестали существовать (№ 2506, Ж, 1935).

Воспоминания о последствиях взрыва позже запечатлеваются в семейных историях и научных исследованиях (медицинских и по истории атомного проекта), тогда как область публичной истории предъявляет определенные требования к «формату памяти».

Сильным и глубоким авторским высказыванием на тему последствий катастроф в атомной промышленности стала выставка Павла Отдельнова в поселке Сокол в рамках программы резиденций 6-й Уральской Биеннале современного искусства (Отдельнов). Размещенные в комнатах заброшенного общежития лаборатории «Б», где в послевоенные годы занимались вопросами радиобиологии и получения изотопов, лаконичные высказывания экспозиции в сумме своей создают многомерный образ катастрофы, постигшей эти места. Первоначально высокорadioактивные отходы сбрасывали в бассейн реки Теча, и тысячи людей, не зная об опасности, использовали ее воду для всех бытовых нужд. Затем в 1957 году произошел взрыв радиоактивных отходов, а в 1967 году ветер разнес радиоактивные отходы из озера Карачай на десятки близлежащих населенных пунктов.

Название проекта – «Звонящий след» – отсылает к сигналу, которым счетчик Гейгера оповещает человека об опасности. Форма причастия настоящего времени в названии свидетельствует об актуальности проблемы и сегодня. Техногенные катастрофы имеют, по Отдельнову, ярко выраженную этическую сторону: от цены исследований, проводящихся на животных, дезинформации под видом «научных комментариев», публикуемой в СМИ (вспышка взрыва описывалась как редкое для Южного Урала явление полярного сияния),



до сожженных деревень, забитого скота, и осквернений святынь (одна из комнат носит название «Джанаба»).

Сам Павел Отдельнов отмечает, что и сегодня люди «зоны отчуждения» не готовы делиться воспоминаниями, поэтому в ходе работы над экспозицией он отказался от первоначального намерения собрать воспоминания очевидцев и обратился к уже опубликованным документам и фотографиям.

Ограниченное число акторов подобной публичной памяти, позднее время фиксации нарративов о катастрофах, затронувших жизни тысяч людей, влияют на сам характер памятования, его сюжеты и их эмоциональную окраску, что представляет собой отдельное исследовательское поле.

Экологическая тема в позднесоветских полевых каслинских материалах отсутствует. Однако в 1978 году студенты добросовестно фиксируют около десятка «песен о Каслях»¹, которые были написаны местными авторами в ответ на объявление конкурса на лучшую песню о городе. «Песни о городе» создавались тогда повсеместно, и, строго говоря, не относятся к фольклору, но позволяют сейчас составить представление о динамике (само)репрезентации Каслей среди местных авторов в пору расцвета города. Студенты выписывали слова песен из местных газет («Красное знамя»), списывали с пригласительных билетов и записывали от информантов с голоса. «Песни о родном городе» к началу 1970-х имели уже сложившийся дискурс, выражавшийся в ряде клишированных образов. Не уходя в теорию жанра, отметим важные для нашей темы черты локальной идентичности каслинцев, раскрытой исключительно в лирическом ключе.

Уникальность Каслей, связанная с художественным чугунолитейным производством, упоминается во всех текстах, как «огневое ремесло» (№ 648), «чудодейственный металл» (№ 656), «отблеск плавок в сердцах у людей» (№ 655), но при этом надежно погружена в природное обрамление «убегающих» Вишневых гор, «березовых ветров и зорь», «плодородных увалов» и «крутых перевалов», «совхозных полей», лесов и «синеглазых озер» в «золоте огней». Триада «озера – огни – чугунные узоры» становится устойчивой – именно она воспроизводится и на мурале на ДК им. Захарова в Каслях летом 2021 года (Демидова). Сама возможность конфликтной встречи индустриального (часто – неконкретизированного «эти руки что-то вечно строят» (№ 656)) и природного снимается воспеванием «родных просторов» «уральского края».

Формирование локальной идентичности в песнях происходит, помимо дискурсивных факторов, «накладывающих» песенные штампы на, казалось бы, противоречащую им местную историю: «Город мой, по-русски синеглазый в синей необъятности озер» (№ 656) – путем переключения внутренних и внешних взглядов.

«Люди, оживившие металл», испытывают те же чувства, что и представители других советских городов: «Наши люди умеют работать, Наши люди

1 Все песни цитируются по записям папки 1978 года, №№ 648-

умеют дружить» (№ 659), – одна из задач подобной песенной продукции как раз и заключалась в способности вписать город в ряд подобных, а не выделить его. В песне 1967 года близость возлюбленной надежно заслоняет дальний городской фон: «По тропинке с милой / Я иду счастливый / Нам поют баяны О большой любви. // Я иду счастливый, / Со своей любимой, / Хорошо на свете, / Как ни говори» (№ 649).

Между тем в песнях 1970-х гг. можно отметить сочетание внутреннего и внешнего взгляда на город, придающее внутреннюю динамику конфликту «своего» и «чужого», от сдержанного ресентимента («Казалось бы, да кто о нем узнает, О городе, среди густых лесов...» (№ 652)) до определения родного места через негативную идентификацию: «Хоть нет у нас Черемушек, Арбата, / Хоть нет ни моря, ни больших садов, / Зато земля уральская богата / Умелыми руками мастеров» (№ 649); «Не Швейцария, не Италия, Уральский город наш, Касли» (№ 651); «Хоть не сопки и лимоны, / Не манчжурские края, / Есть и горы, есть и скалы, / Есть зеленые леса. / Нет в Крыму и на Кавказе Нашей каслинской сосны / Нет в Москве и Ленинграде / Такой, как наша, тишины (№ 651)». «Открытие мира», наращивание географических связей приводит к увеличению напряжения лирического героя, который с гордостью констатирует: «Твою «Тройку в скаку» знает Лондон, Париж. Это песня, что сложили деды. Красота наших дней в оружейной стоит – Мать-Россия, как символ победы» (№ 655), и (вынужденно) настаивает: «И не спорь со мной, не спорьте, / Лучше края не найти, / Есть красивое местечко / Называется Касли» (№ 458).

При всей клишированности подобной песенной продукции в ее конкретных образцах от (часто) непрофессиональных авторов, можно усмотреть искренние усилия по вписыванию «малой родины» в большой мир, в котором она неизбежно занимает весьма скромное, но важное для лирического героя место: «Здесь мы родились и росли, Уральский край, мои Касли» (№ 649).

Заключение

Мы рассмотрели, какого рода материалы были собраны в течение двух выездных практик в г. Касли с десятилетней дистанцией.

Меморативный ландшафт, реконструируемый по фольклорным материалам, демонстрирует глубокую укорененность сюжетов в истории места, а также выявляет ряд зависимостей.

Во-первых, все зафиксированные материалы – производная от методики сбора и интересов ученых-фольклористов. При этом нельзя однозначно говорить, что сам запрос к информантам представлял собой своеобразное «прокрустово ложе» для их памяти, но все же собранные материалы в значительной мере представляют собой «слепок» интересов и чувствительности



фольклористов к тем или иным поворотам сюжетов народной памяти. К примеру, В. В. Блажес был крайне внимателен к проявлениям народной комики во всех ее формах, однако для темной, печальной стороны каслинской народной истории, какая видится в сюжетах о первопоселенцах и силачах, исследователей не нашлось. Возможно, в силу того, что в те годы сами каслинцы представляли свой город гораздо оптимистичнее, чем сегодня.

Во-вторых, полевые материалы, отложенные в архиве, были получены, вероятно, при тотальном обходе территории: в самой подборке обнаруживается исследовательский фокус ученых (сведения о былом старого заводского поселения) и материалы, которые не укладывались в актуальные на тот момент научные схемы описания (песни о городе и др.). Сама неоднородность плотности нарративного ряда достаточно репрезентативна для того, чтобы показать, как рукотворность промышленного ландшафта (спровоцированная природной составляющей) порождает «места памяти», наполняющиеся уже не историей становления индустриальности на Урале, а сюжетами распределения власти и проявления страстей/характеров уральцев.

В-третьих, скомканные, непроговоренные, а также вовсе не зафиксированные в те годы сюжеты позднесоветского настоящего Каслей (из личных воспоминаний и семейной памяти живых очевидцев техногенных катастроф 1950-1960-х), будучи реконструируемы сегодня, с большой временной дистанции (в арт-проектах, научных статьях, документальной прозе, музейных изысканиях), образуют ткань публичной памяти иного свойства: разреженную, моно-эмоциональную, работающую на индивидуальном уровне восприятия. То, как сложно и медленно эти сюжеты вплетаются в настоящем в коллективную память и идентичность, требует дальнейшего изучения.

Благодарности

Статья написана в рамках работы над проектом РНФ № 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

Список литературы

- Архивные полевые материалы цитируются по записям 1989 года Фольклорного архива УрФУ, если не оговорено иначе: Челябин_Касли_1989
- Ассман, Я. (2004). *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Языки славянской культуры.
- Блажес, В. В., Елизарян, Е., & Борисова, Т. (1980). Традиционный рабочий фольклор в современном городе. В *Фольклор Урала*, 5. *Фольклор и историческая действительность* (с. 13–27). Уральский государственный университет.

- Блажес, В. В. (2008). Научное наследие профессора А. И. Лазарева. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 4, 84–100.
- Богословский, П. С. (1927). О постановке культурно-исторических изучений Урала. В *Уральское краеведение*. Выпуск 1 (с. 33–37). Издательство Уральского областного бюро краеведения.
- Веселкова, Н. В. (2022). Меморативный ландшафт: Опыт методологической рефлексии. В Л. Н. Мазур & Д. Магер (Ред.), *Меморативные ландшафты малых городов России и Польши: Сборник научных трудов* (с. 50–60). Издательство Уральского университета.
- Гаврилов, Д. В., & Блинов, А. Н. (2001). Каслинский чугуноплавильный и железоделательный завод. В *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия* (с. 256–262). Академ-книга.
- Головкин, Г. (б. д.). Храм Вознесения Господня. Челябинская епархия. Приход храма Вознесения Господня. Город Касли. <http://kasli.prihod.ru/xram-voznesheniya-gospodnya/>
- Грамотчикова, Н. Б. (2022). Реконструкция историко-культурного и меморативного ландшафта Ирбита по литературным и фольклорным материалам (вторая половина XIX–XX вв.). В *Меморативные ландшафты малых городов. Сборник научных трудов* (с. 95–112). Издательство Уральского университета.
- Грум-Грижмайло, С. В. (1995). Из воспоминаний. В М. П. Лобанов, *Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи*. Новая книга. <https://history.wikireading.ru/259410>
- Гусев, В. Е. (1953). К изучению народного творчества Южного Урала (по материалам экспедиций ЧГПИ 1947–1950 гг.). В *Фольклорно-диалектологический сборник (материалы и методические указания)* (с. 16–38). ЧГПИ.
- Демидова. (2021, август 16). Для создания мурала на ДК им. Захарова в Каслях понадобятся десятки литров краски. *Новости Каслинского района*. <https://kasli-gazeta.ru/2021/08/16/dlja-sozdaniya-murala-na-dk-im-zaharova-v-kasljah-ponadobjatsja-desjatki-litrov-kraski/>
- Дранникова, Н. В. (2015). «Фольклор»: К вопросу об истории употребления термина и его значения в русской науке. *Труды Карельского научного центра Российской академии наук*, 8, 39. <https://doi.org/10.17076/hum117>
- Иванов, А. В. (2018). *Горнозаводская цивилизация*. АСТ.
- Каганский, В. Л. (2001). *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство*. Новое литературное обозрение.
- Королева, С. Ю., & Четина, Е. М. (2017). Предания о братьях-богатырях Пере и Мизе: Источники, историзм, локальность (на подступах к теме). В *Человек и событие в исторической памяти* (с. 116–130). Издательство ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН.
- Кругляшова, В. П. (1961). *Предания реки Чусовой*. б. и.
- Кругляшова, В. П. (1974). *Жанры несказочной прозы Уральского горнозаводского фольклора*. https://urbibl.ru/Knigi/kruglyashova/zhanri_1.htm
- Кругляшова, В. П. (1976). К истории и методике собирания преданий. В *Фольклор Урала*, выпуск 1 (с. 3–23). Уральский государственный университет.
- Кругляшова, В. П. (1980). Народные рассказы о Ленине (к вопросу о современном состоянии несказочной прозы). В *Фольклор Урала*, выпуск 5. *Фольклор и историческая действительность* (с. 3–13). Уральский государственный университет.



- Кулбахтин, Н. М. (2015). Каслинский завод. В *Башкирская энциклопедия*. ГАУН «Башкирская энциклопедия». <http://bashenc.online/ru/articles/87609/>
- Лазарев, А. И. (1972). *Поэтическая летопись заводов Урала*. Южно-Уральское книжное издательство.
- Липовецкий, М. Н. (1990). «Память жанра» как теоретическая проблема (к истории вопроса). В *Модификации художественных систем в историко-литературном процессе: Сборник научных трудов* (с. 5–18). УрГУ.
- Мазур, Л. Н. (2022). Малые города России: Особенности формирования историко-культурного ландшафта. В Л. Н. Мазур & Д. Магер (Ред.), *Меморативные ландшафты малых городов России и Польши: Сборник научных трудов* (с. 20–49). Издательство Уральского университета.
- Матвеев, А. К. (1987). *Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь* (2-е изд.). Средне-Уральское книжное издательство.
- Машковский, М. Б. (2019). Несказочная проза Урала в материалах фольклорных экспедиций ЧГПИ 1947–1955 гг. Под руководством В.Е. Гусева. XXII Бирюковские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 24–29 марта 2017 г., Челябинск-Сатка, 307–311.
- Митрофанова, В. В. (1964). Экспедиционная работа за последние десять лет. В *Русский фольклор*, выпуск 9, *Проблемы современного народного творчества* (с. 220–221). Издательство Академии наук СССР.
- Отдельнов, П. (б. д.). *Звенящий след*. <https://otdelnov.com/ru/gallery-ringing-trace>
- «Припади к своим истокам...» Сборник мини-экскурсий. (2012). б. и. http://museumkk.ru/images/PDF/Pripadi_k_svoim_istokam.pdf
- Рабинович, И. (1933). О записи воспоминаний. Из опыта работы Т. С. Мирера. В *История заводов*. Сборник 4-5 (с. 205–210). ОГИЗ.
- Современные предания о силачах-рабочих. (1989). В *Фольклор Урала*, выпуск 10, *Современный русский фольклор промышленного района* (с. 59–66). Уральский государственный университет.
- Столбикова, Л. П. (1999). *Храм Вознесения в г. Касли*. б. и.
- Толстикова, В. С., & Кузнецов, В. Н. (2017). *Ядерное наследие на Урале: Исторические оценки и документы*. Банк культурной информации.
- Тюленева, Н. И. (2015). *Концепция «культурного ландшафта» в применении к горнозаводской цивилизации Урала* [Диссертация на соискание степени кандидата культурологии]. Пермская государственная академия искусства и культуры.

References

Archival field materials are quoted from the 1989 records of the Ural Federal University Folklore Archives, unless otherwise noted.: Chelyab_Kasli_1989 (In Russian).

“Get down to your roots...” A collection of mini-excursions. (2012). n. p. http://museumkk.ru/images/PDF/Pripadi_k_svoim_istokam.pdf (In Russian).

- Assmann, J. (2004). *Cultural Memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Languages of Slavic culture. (In Russian).
- Blages, V. V. (2008). The scientific legacy of Professor A. I. Lazarev. *Vestnik (Herald) of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 4, 84-100. (In Russian).
- Blages, V. V., Elizarian, E., & Borisova, T. (1980). Traditional working folklore in the modern city. In *Folklore of the Urals*, 5. *Folklore and historical reality* (pp. 13-27). Ural State University. (In Russian).
- Bogoslovsky, P. S. (1927). On the setting of cultural and historical studies of the Urals. In *Uralian regional studies*. Issue 1 (pp. 33-37). Publishers of the Urals Regional Bureau of Regional Studies. (In Russian).
- Demidova. (2021, August 16). Dozens of liters of paint will be needed to create the mural at the Culture Center named after Zakharov in Kaslyakh. *News of the Kaslinsky district*. <https://kasli-gazeta.ru/2021/08/16/dlja-sozdanija-murala-na-dk-im-zaharova-v-kasljah-ponadobjatsja-desjatki-litrov-kraski/> (In Russian).
- Drannikova, N. V. (2015). "Folklore": on the History of the Use of Terms and its Importance in Russian Science. *Research in the Humanities*, 8, 39. <https://doi.org/10.17076/hum117> (In Russian).
- Gavrilov, D. V., & Blinov, A. N. (2001). Kaslinsky iron-smelting and iron-making plant. In *Metallurgical Plants of the Urals, 17th – 20th centuries*. *Encyclopedia* (pp. 256-262). Akademkniga. (In Russian).
- Golovkin, G. (n. d.). *Church of the Ascension of the Lord*. Chelyabinsk diocese. Parish of the Church of the Ascension. City Kasli. <http://kasli.prihod.ru/xram-vozeseniya-gospodnya/> (In Russian).
- Gramatchikova, N. B. (2022). Reconstruction of historical, cultural and memorial landscape of Irbit on literary and folklore materials (second half of the 19th-20th centuries). In *Memorative Landscapes of Small Towns. Collection of scientific works* (pp. 95-112). Urals University Publishers. (In Russian).
- Grum-Grizhmaylo, S. V. (1995). From Memoirs. In M. P. Lobanov, *Stalin in Memoirs of Contemporaries and Documents of the Epoch*. New book. <https://history.wikireading.ru/259410> (In Russian).
- Gusev, V. E. (1953). To the Study of Folk Art of the Southern Urals (on the Materials of the CHSPI Expeditions, 1947-1950). In *Folklore and Dialectological Collection (Materials and Methodological Notes)* (pp. 16-38). Chelyabinsk State Pedagogical University. (In Russian).
- Ivanov, A. V. (2018). *The mining civilization*. AST. (In Russian).
- Kagansky, V. L. (2001). *Cultural landscape and Soviet inhabited space*. *New Literary Review*. (In Russian).
- Koroleva, S. Y., & Cetina, E. M. (2017). Legends of the Brothers-Goddesses Pere and Mize: Sources, Historicism, Locality (on the approaches to the topic). In *Man and event in historical memory* (pp. 116-130). Published by the Institute of Nuclear Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Kruglyashova, V. P. (1961). *Legends of the Chusovaya River*. n. p. (In Russian).
- Kruglyashova, V. P. (1974). *Genres of Nonfiction Prose of the Ural Mining and Zavod Folklore*. https://urbibl.ru/Knigi/kruglyashova/zhanri_1.htm (In Russian).
- Kruglyashova, V. P. (1976). To the History and Method of Collecting Legends. In *Folklore of the Urals*, issue 1 (pp. 3-23). Ural State University. (In Russian).
- Kruglyashova, V. P. (1980). Folk stories about Lenin (to the question of the modern state of non-fiction prose). In *Folklore of the Urals*, issue 5. *Folklore and historical reality* (pp. 3-13). Ural State University. (In Russian).



- Kulbakhtin, N. M. (2015). Kaslinsky plant. In *Bashkir Encyclopedia*. GAUN “Bashkir Encyclopedia”. <http://bashenc.online/ru/articles/87609/> (In Russian).
- Lazarev, A. I. (1972). *Poetic chronicle of the Urals plants*. South Urals Book Publishers. (In Russian).
- Lipovetsky, M. N. (1990). “Memory of genre” as a theoretical problem (to the history of the question). In *Modifications of Artistic Systems in Historical and Literary Process: Collection of Scientific Works* (pp. 5-18). UrSU. (In Russian).
- Mashkovsky, M. B. (2019). Non-fairy prose of the Urals in the materials of folklore expeditions of the CHSPI, 1947-1955. Under the guidance of V. E. Gusev. *XXII Biryukov Readings: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, March 24-29, 2017, Chelyabinsk-Satka*, 307-311. (In Russian).
- Matveev, A. K. (1987). *Geographic names of the Urals: Brief toponymic dictionary* (2nd ed.). Sredne-Ural book publishing house. (In Russian).
- Mazur, L. N. (2022). Small Towns of Russia: Peculiarities of the Formation of Historical and Cultural Landscape. In L. N. Mazur & D. Mager (Eds.), *Memorial Landscapes of Small Towns of Russia and Poland: A Collection of Scientific Works* (pp. 20-49). Urals University Publishers. (In Russian).
- Mitrofanova, V. V. (1964). Expeditionary work during the last ten years. In *Russian folklore, issue 9, Problems of modern folk art* (pp. 220-221). The publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian).
- Modern lore of the strongman workers. (1989). In *Folklore of the Urals, Issue 10, Modern Russian Folklore of an Industrial Area* (pp. 59-66). Urals State University. (In Russian).
- Otdelnov, P. (n. d.). *Ringing trail*. <https://otdelnov.com/ru/gallery-ringing-trace> (In Russian).
- Rabinovich, I. (1933). On the Recording of Memories. From the experience of T. S. Mirer. In *History of Factories. Collection 4-5*. (pp. 205-210). OGIZ. (In Russian).
- Stolbikova, L. P. (1999). *Church of the Ascension in Kasli*. n. p. (In Russian).
- Tolstikov, V. S., & Kuznetsov, V. N. (2017). *Nuclear heritage in the Urals: Historical assessments and documents*. Bank of cultural information. (In Russian).
- Tyuleneva, N. I. (2015). *The concept of “cultural landscape” in application to the mining and factory civilization of the Urals* [Dissertation for the degree of candidate of cultural studies]. Perm State Academy of Arts and Culture. (In Russian).
- Veselkova, N. V. (2022). Memorative Landscape: An Experience of Methodological Reflection. In L. N. Mazur & D. Mager (Eds.), *Memorative Landscapes of Small Towns in Russia and Poland: A Collection of Scientific Works* (pp. 50-60). Urals University Publishers. (In Russian).